

Введение

Когда готовился этот номер, пришла печальная весть о кончине крупнейшего французского философа Жан-Люка Нанси, который был для многих из нас учителем, другом, и постоянным собеседником. В порядке траурной службы мы начинаем этот номер со статьи, посвященной его идеям.

Янар Михкельсаар утверждает, что в центре подхода Жана-Люка Нанси к политическому лежит представление о субъекте как о субъекте отношения. Проблематика отношения требует нового рассмотрения. Когда *архе-телеологические* предпосылки, конституирующие субъект как данное, вступают в фазу деконструкции, субъект становится лишь деятельностью отнесения себя к самому себе. Михкельсаар намерен ответить на призыв Нанси изобрести «утверждение отношения» посредством переосмотра логик суверенитета и демократии. Тогда как суверенитет объединяет, полагает, «оконечивает» и завершает самость народа, демократия после 1968-го плюрализует, «делает бесконечной» и искажает идентичность народа. Суверенитет и демократия, несмотря на их противоречащие друг другу принципы, не состоят в отношении взаимного исключения. Скорее они коррелятивны друг другу. В отсутствие одного из них, второй не имеет смысла. Через эту двуликость экономики политического народ получает возможность испытать свою «реальность» — испытать само отношение. Утверждение отношения — это то, что дает людям освобожденный локус политического для бесконечного самоучреждения и удерживает этот локус свободным — следовательно, оно является политическим *par excellence*.

Дальнейшая подборка статей продолжает серию публикаций о философии природы и новой материалистической политике, начатую прошлым номером «Стасиса» под названием *Terra, Natura, Materia* (Vol. 9. № 1. 2020). Поскольку эта тема привлекла внимание как читателей, так и авторов, мы решили опубликовать второй том, также посвященный философскому анализу взаимодействия природы, политики и науки. Здесь мы вкратце резюмируем содержание номера, опираясь на аннотации статей.

Аманда Бозтцкес рассматривает картины уничтожения, возникшие в связи со вспыхнувшей эпидемией коронавируса, рассуждает о феномене нечувствительности к жестокому обращению с ними и утверждает, что демонстративная растрата животной жизни скрывает за собой экономическую логику, с помощью которой человечество обеспечивает себе место главенствующего вида. Подобная логика и ее визуальность не просто поддерживаются более всеобъемлющей некрополитической парадигмой — вместе они составляют первичную сцену, *делающую возможной* ликвидацию животной жизни вплоть до вымирания. Следуя за эволюционным биологом Робом Уоллесом, Бозтцкес рассматривает заботу животных в связи с феноменом системного нарушения лесных экологий, влекущего за собой вирусные пандемии и всегда предвещающегося притоком капитала на аграрные рынки. В статье раскрывается связь между жестоким обращением с животными и сопутствующей ему экономикой планетарной растраты, а также показывается, как визуализация заботы животных основывается на банальном насилии.

Джефф Диаманти обращается к современным экологическим проблемам и утверждает, что изменение климата связано не только с повышением уровня моря и парниковыми газами; оно также представляет собой интенсивный процесс терраформирования, происходящий в реальном времени, без какого-либо явного субъекта, обуславливающего это движение на более очевидным осуществляется в зоне таяния криосферы Земли. Диаманти задается вопросом, разумно ли основывать, наше понимание экологического кризиса на этом новом фундаменте, и что означала бы попытка принять антропогенное изменение климата за основание разума в эпоху экологических кризисов, все больше захватывающих современность. Автор возвращается ко второй половине первой части «Науки логики» Гегеля — к кульминации Объективного духа, — в которой нечто появляется из ничто и делает это в «основании» и как «основание». Согласно Диаманти, недавние концептуальные области притяжения в климатологии и науках о земле — а именно, петля обратной связи и критическая точка — указывают на возвращение к философии стихий, а диалектика нетождества, которой отмечена философия природы Гегеля, сопрягается с триадой форма-материя-содержание, задействованной в точке кульминации объективного духа.

Ольга Кириллова рассматривает роль химического понятия флогистона в так называемой экономике огня с XVIII по XIX век в свете перемен в «пирополитике» (политике огня).

Понятие флогистона исследуется как главное существенное понятие флогистонной химической теории Просвещения и как эпистемологическая метафора невежества в марксистском дискурсе XIX века. Кириллова указывает, что в дискурсе экономики огня флогистон является прибавочной стоимостью. «Огонь как равный деньгам» в петрополитических исследованиях становится средством обращения петрополитики в пирополитику с помощью радикальной метафоры «ПироГейи» (Н. Кларк) в период Антропоцена.

Статья **Нильса Вильде Лангбалле** посвящена датской писательнице Ингер Кристенсен, чье поэтическое мышление рассматривается в диалоге со спекулятивным поворотом в современной континентальной философии. Ранее философские интерпретации поэзии Кристенсен осуществлялись сквозь призму романтической традиции. Однако Лангбалле утверждает, что, обратившись к современным дебатам в континентальной метафизике, можно уточнить позицию Кристенсена и создать материал для новой гибридной модели — объектно-ориентированной философии природы. Во-первых, отношение между языком как трансцендентальной семиотической системой и реальностью как сферой, независимой от разума, исследуется не как корреляция между людьми и миром, а как товарищество между двумя аспектами самой природы. Во-вторых, Кристенсен выступает за общую модель становления, которая подпитывается «состоянием тайны», порождающим сущности, силы и события на плоском онтологическом и политическом плане.

Дмитрий Лебедев анализирует работу Уильяма Коннолли как образцовый пример теории, делающей активный упор на роль нечеловеческих сил в социальном и политическом мире. Кроме того, этот акцент привносит разрыв в политическую теорию. Согласно автору, Коннолли подчеркивает хрупкие резонансы между природой и культурой и продуктивно проблематизирует антропоцентричное видение политики. Однако, он все же настаивает на своей версии демократического плюрализма, поставленного под вопрос этим самым положением дел. Таким образом, пост-антропоцентричная онтология Коннолли остается в противоречивой связи с политическими вопросами. Статья Лебедева стремится прояснить эту связь. С одной стороны, она показывает, как вид демократической политики, отвечающий на вызовы Антропоцена, предполагает повышенный градус политического негативизма и универсализма, которые ранее были исключены. С другой стороны, статья демонстрирует, что разрывы в онтологии следует одновременно мыслить и как разрывы

в установленном политическом теоретизировании. Кроме того, следует постоянно изучать само положение дел, демонстрирующее релевантность этих онтологических и политических разрывов.

Выступая с позиций депрессивного реализма, **Жюли Реше** отмечает, что хотя Чарльз Дарвин и Зигмунд Фрейд попытались сместить человека с центрального места в природе и истории, эволюционная теория и фрейд-лакановский психоанализ отчасти сохраняют идею человеческой исключительности. Так, в свете отрицательной характеристики психоанализом человека как самого плохо адаптированного вида и объяснения этой дезадаптации с точки зрения отрыва от естественного порядка, понятие влечения к смерти остается антропоцентричным: влечение к смерти рассматривается как исключительно человеческое влечение. Однако недавние открытия в эволюционной биологии и психоаналитической мысли указывают на способы развить понятие влечения к смерти и утверждать, что оно не присуще исключительно человеку. Согласно Реше, эволюция природы не является ни воплощением прогресса, приводящим к появлению человеческого вида, ни воплощением гармонии, от которой отклоняется человек, а скорее разрывом внутри себя. Природа как таковая является воплощением влечения к смерти.

В диалоге с объектно-ориентированной онтологией, **Бронислав Сзержинский** выступает за философию непрерывной материи, фокусируясь не на тождестве, свойствах и отношениях дискретных, исчислимых объектов, а на природе протяженных субстанций, как в отношении к человеческому опыту, так и с точки зрения их собственной «внутренней жизни». В статье рассматривается вопрос, почему и в каких условиях люди способны воспринимать мир как состоящий из объектов или из непрерывных субстанций, а также язык, используемый людьми для того, чтобы говорить об этом. Согласно Сзержинскому, подход к миру как непрерывности требует выведения на первый план понятий, подчеркивающих *имманентное* (внутреннее по отношению к области в пространстве), *инклюзивное* (с контрастирующими свойствами, сосуществующими в одной субстанции), *постепенное* (проявляющееся по-разному в разных точках) и *генеративное*, или *виртуальное* (включающее в себя непрерывное производство формы и новых градиентов). Если философия исходит из представления о непрерывной материи, а не об объектах, то это имеет широкие последствия для спекулятивной мысли.

В заключительной статье, не связанной с общей темой номера, **Марина Корецкая** анализирует перформативный подход

Джудит Батлер к понятию народа и утверждает, что этот подход позволяет не только наметить границы модели политической теологии, но и увидеть значимость актов коллективных тел в публичном пространстве. В этом контексте фигура жертвы может выполнять консолидирующую функцию, потенциально являясь аффективно насыщенной точкой сборки коллективного тела. В статье анализируется маргинализация тела жертвы с помощью понятий «политик скорби» и «неоплакиваемой жизни». Корецкая показывает, что маргинализация жертвы представляет собой многомерное явление. Маргинализироваться может как сама жертва, так и преступник, а также различные обстоятельства катастрофических событий или актов насилия. Примеры, взятые из российской новостной повестки последних лет, позволяют проиллюстрировать, сколь важным является вопрос о восприятии жертв аудиторией независимых СМИ.